
УДК 82(091) Бахтин

DOI: 10.31249/lit/2025.05.06

ТУХТО В.Е.¹ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИЕМ НАРОДНОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В «ПОХВАЛЕ ГЛУПО- СТИ» ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО[©]

Аннотация. Статья посвящена исследованию амбивалентности как феномена народной смеховой культуры в сатирическом эссе «Похвала глупости» Эразма Роттердамского. Опираясь на книгу «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтина, автор статьи выделяет в произведении Эразма двойственность мудрости и глупости, похвалы и порицания, сакрального и профанного, а также идею амбивалентности старости и молодости, жизни и смерти. Анализ показывает, что амбивалентность и карнавальность, «выворачивая мир наизнанку», утверждают возможность гармоничного общества не вопреки глупости, а благодаря ей, неразрывно сопутствующей мудрости.

Ключевые слова: амбивалентность; народная смеховая культура; Бахтин; Эразм Роттердамский; Рабле; карнавал.

Для цитирования: Тухто В.Е. Амбивалентность как ключевой прием народной смеховой культуры в «Похвале глупости» Эразма Роттердамского // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – Специальный выпуск. – С. 75–84. – DOI: 10.31249/lit/2025.05.06

Поступила: 10.10.2025

Принята к печати: 15.12.2025

¹ **Тухто Вера Евгеньевна** – студентка филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, отделение современных западноевропейских языков и литератур; veratuhto24701@gmail.com

© Тухто В.Е., 2025

TUKHTO V.E.¹ Ambivalence as the key method of culture of popular laughter in Erasmus of Rotterdam's *The Praise Of Folly*®

Abstract. The article is devoted to the investigation of ambivalence as a phenomenon of culture of popular laughter in the satirical encomium *The Praise of Folly* by Erasmus of Rotterdam. Based on the book *The Works Of Francois Rabelais And Popular Culture In The Middle Ages And During The Renaissance* by M. Bakhtin, the researcher highlights the duality of wisdom and stupidity, praise and blame, sacred and profane and also the idea of the ambivalence of old age and youth, life and death in the work of Erasmus. It is revealed that examples of ambivalence and carnivalism, “turning the world inside out”, emphasize the possibility of harmonious development of society only through stupidity as the companion of wisdom.

Keywords: ambivalence; the culture of popular laughter; Bakhtin; Erasmus of Rotterdam; Rabelais; carnival.

To cite this article: Tukhto, Vera E. “Ambivalence as the key method of culture of popular laughter in Erasmus of Rotterdam's *The Praise Of Folly*”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, Special Issue, 2025, pp. 74–83. DOI: 10.31249/lit/2025.05.06 (In Russian)

Received: 10.10.2025

Accepted: 15.12.2025

Сатирический энкомий «Похвала глупости» (1511) занимает особое место в литературе эпохи Возрождения. В то время как писатели и богословы XIV–XVI вв. следовали дидактической парадигме, прославляя человека², Эразм Роттердамский отказался от

¹ **Tukhto Vera Evgenievna** – undergraduate student of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, the Department of Modern Western European Languages and Literatures; veratuhto24701@gmail.com

© Tukhto V.E., 2025

² Такие идеи прослеживаются в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532–1564) Франсуа Рабле [Пахсарьян, 2015], в «Трагической истории доктора Фауста» (1604) Кристофера Марло [Парфенов, 1961], в драмах (1589–1613) Уильяма Шекспира [Шестаков, 1998] и др. произведениях Возрождения. О гуманизме Возрождения, прославляющем неограниченные возможности человека, писал М.Л. Андреев в книге «История мировой культуры: наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение» [Андреев, 1998]. Исследователь указывает на антропоцентрическую модель мира с человеком в центре, пришедшую на смену теоцентрической в период Возрождения [Андреев, 1998, с. 331]. В книге А.Ф. Лосева «Эстетика Возрождения» читаем: «В эпоху Ренессанса хотели абсо-

назидательности. Он раскрыл дуалистичную природу вещей, утвердив неотделимость глупости от самого общества. Такой замысел отличает Эразма даже от его ближайшего предшественника – Себастьяна Бранта, автора сатирико-дидактической поэмы «Корабль дураков» (1494). Хотя Брант также порицает и высмеивает человеческие пороки, его подход принципиально иной. Особенный интерес представляет связь «Похвалы глупости» с народной смеховой культурой. Амбивалентная природа энкомия выступает своего рода миниатюрой грандиозной двойственности самой этой культуры. Применение бахтинской теории смеха к произведению Эразма не просто открывает новые смыслы, но и становится ключом к пониманию его основной идеи, которая остается неочевидной вне этого теоретического контекста.

Целью нашего исследования является применение теории народной смеховой культуры к произведению Эразма, а именно – рассмотрение приема амбивалентности как ключевого «механизма» сатирического энкомия, позволяющего увидеть скрытые смыслы произведения. Новизна нашего подхода заключается в том, что, в отличие от зарубежных филологов Марша [Marsh, 1998] и Робинсона [Robinson, 1979], мы не исследуем связь текста Эразма с традицией греческой софистики, жанром парадоксально-го энкомия и адоксографией в Античности¹, не рассматриваем влияние Эразма на становление Реформации в Германии и распространение гуманизма, как Х. Дж. Янин [Janin, 2008], а проводим параллели с теорией народной смеховой культуры, разработанной М.М. Бахтиным. Поэтому амбивалентность трактуется нами не как стилистический прием и особенность жанра, а как композиционный и сюжетный «механизм»: карнавальное «переворачивание» явлений жизни позволяет увидеть «два лица» каждой вещи. Это заставляет усомниться в истинности человеческих представлений об обществе и позволяет трактовать оппозиции «мудрость – глупость», «старость – молодость», «жизнь – смерть», «сакральное – профанное» как важные «двигатели» развития человечества.

лютизировать человеческий ум и его стремление к вечному прогрессу» [Лосев, 1982, с. 66].

¹ Некоторые зарубежные исследователи ([Marsh, 1998], [Robinson, 1979]) усматривают в «Похвале глупости» связь с диалогами Лукиана (155–180 гг. н.э.), переведенными Эразмом и Томасом Мором и опубликованными в издании Филиппо Джунти («Luciani opuscula») в 1519 г.

Феномен народной смеховой культуры, впервые сформулированный М.М. Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (1965), связан с приемом амбивалентности. Исследователь считает амбивалентность, наряду со всенародностью и универсальностью, важнейшим свойством смеховой культуры [Бахтин, 2010, с. 20]. Описанное Бахтиным явление использует переворачивание и перемену местами членов оппозиций «утверждение – отрицание» и «восхваление – порицание» как основной действующий принцип. Продолжая средневековую традицию отмены иерархических отношений при выборах дурацкой матери на *festum stultorum*, а также традицию ослиной мессы и *risus paschalis*, смеховая культура наследует амбивалентность критико-обличающей и разрушающе-созидательной функций из Античности и Средневековья [Бахтин, 2010, с. 13]. Это выражается в карнавальном осмеении сакрального (на начальном этапе) и профанного (на более позднем этапе) с целью возвысить осмеиваемое явление [Бахтин, 2010, с. 14].

А.Я. Гуревич в работе «Эдда и сага» приводит пример амбивалентности в игре со священным: нарушение нравственных законов языческими богами «выполняет функцию обоснования» («от противного») обязательности этих норм для людей [Гуревич, 2009, с. 70]. «Перебранка Локи» из «Старшей Эдды», содержащая элементы смеховой культуры, может проиллюстрировать эту закономерность: обличая и высмеивая пороки Одина, Фрейи и других германских богов, Локи одновременно разрушает и создает словом их пантеон. Герой-трикстер смеется над правилами, но именно хаос, игра между геройством и злодейством становится началом порядка и утверждением власти богов [Гуревич, 2009, с. 65].

Амбивалентность проявляется и в циклических явлениях архаики: представленные Бахтиным образы материально-телесного низа (беременная смерть; культ изобилия) [Бахтин, 2010, с. 355] соотносятся с теорией архаического праздника В.Н. Топорова [Топоров, 1988, с. 23], связанной с непрерывным циклом «жизнь – смерть – рождение».

В работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» Бахтин привел сатирический энкомий «Похвала глупости» Эразма Роттердамского в качестве образца народной смеховой литературы на латинском языке: «Латинская смеховая литература Средневековья нашла свое завершение на высшем ренессансном этапе в “Похвале глупости” Эразма (это одно из величайших порождений карнавального смеха во всей ми-

ровой литературе) и в «Письмах темных людей»» [Бахтин, 2010, с. 24]. Приведенная цитата служит отправной точкой нашего анализа.

Сам принцип амбивалентности заложен уже в названии эссе, где совмещены восхваление и порицание, однако подлинная двойственность произведения проявляется не на стилистическом, а на смысловом уровне – в его образах и идеях. Так, дуализм человеческой жизни представлен мотивом поведенческой и ментальной общности младенцев и старцев. Не случайно выживших из ума стариков называют впадшими во второе детство: они действительно имеют много общего с младенцами. Говоря о том, что маленькие дети тянутся к старикам, а старики очень любят детей, Мория делает вывод: «Сходные вещи сблизить привыкли великие боги» [Эразм Роттердамский, 1971, с. 131]. Развивая свою мысль, Stultitia утверждает, что старцы – это младенцы, а младенцы – старцы из-за внешней схожести: белых волос, беззубого рта, малого роста, пристрастия к молоку, косноязычия, бестолковости и забывчивости.

Амбивалентность начала и конца жизни является важным мотивом народной смеховой литературы. В качестве примера двойственности старости и молодости Бахтин приводит вотивные фигурки беременных старух, найденные археологами [Бахтин, 2010, с. 36]. Этот образ соотносится с 31-й главой «Похвалы глупости», в которой представлено описание пожилых людей, пытающихся скрыть свой истинный облик при помощи косметики, накладных волос, вставных челюстей и притворства. Такие «маски» отсылают к карнавализации из теории народной смеховой культуры. С ней соотносится образ танцующих на Сорочинской ярмарке старух из статьи Бахтина «Рабле и Гоголь»; дряхлых, но исполненных силы в танце: «Все танцовало. Но еще страннее, еще неразгаданнее чувство пробудилось бы при взгляде на старушек, на ветхих лицах которых веяло равнодушие могилы, толкавшихся между новым, смеющимся, живым человеком. Беспечные!» [Бахтин, 2010, с. 512].

Двойственность возвышенного, сакрального и сниженного, земного, появляется в описании рождения Глупости: в момент зачатия отец Мории Плутос был хмельным от нектара, которого хлебнул на пиру у богов. Бахтин в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» описывает подобное состояние как гармоничную трихотомию бытия: «поглощение – зачатие – деторождение», схожее с мотивом «смерти –

обновления – плодородия» из 5-й главы [Бахтин, 2010, с. 353]. Мотив производящей силы, появившейся у опьяневшего человека, отсылает к сакральным темам, связанным с богами (мед поэзии), но специально снижается в контексте жанра сатирического энкомия. В 11-й главе «Похвалы глупости», упоминая часть тела, отвечающую за рождение детей, Глупость подчеркивает, что сказать о ней нельзя, не вызвав общего хохота, но вместе с тем это «священный» источник всего живого: «Нет, умножает род человеческий совсем иная часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота» [Эразм Роттердамский, 1971, с. 128]. В этой же главе Мория признается, что участвует в зачатии детей. Ее присутствие на зачатии каждого человека символизирует слабоумие всего мира. Такой генезис человечества сакрализует Глупость как участницу таинства зарождения новой жизни. «Но если жизнью мы обязаны супружеству, а супружеством – моей служанке Анойе, то сами вы понимаете, в какой мере являетесь моими должниками», – говорит она [Эразм Роттердамский, 1971, с. 128].

В главе 4 читателю сообщается: «Пир обладал могуществом освобождать слово от оков благоговения и страха Божия. Все становилось доступным игре и веселью» [Бахтин, 2010, с. 310]. В «Похвале глупости» Мория, прослеживая собственную генеалогию, рассказывает, что ее зачатие произошло на пиру богов: «И сам отец мой, должно вам знать, был в ту пору не дряхлым полуслепым Плутосом Аристофана, но ловким и бодрым, хмельным от юности, а еще больше – от нектара, которого хлебнул он изрядно на пиру у богов» [Эразм Роттердамский, 1971, с. 126], и это соотносится с «гармоничной трихотомией бытия» – поглощением – зачатием – деторождением [Бахтин, 2010, с. 243]. Анализируя роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, Бахтин в том же ключе размышляет о родах Гаргамеллы: «...эта поедаемая-поедающая утроба слита с утробой рожающей. Создается подлинно гротескный образ единой надындивидуальной телесной жизни – большой утробы, пожирающей – пожираемой – рожающей – рождаемой» [Бахтин, 2010, с. 243].

Хронотоп пира в «Похвале глупости», раскрывая оппозицию «смеющиеся» – «серьезные», вводит мотив маски. Мрачный философ, не умеющий рассмеяться на пиру, изгоняется из веселящегося общества [Эразм Роттердамский, 1971, с. 142]. Метафора Глупости об актере, губящем спектакль, сбросив маску и обнажив вместо царя раба, служит яркой иллюстрацией этой же идеи: социальная

жизнь есть карнавал, и разрушать его иллюзию губительно. «Устранить ложь – значит испортить все представление» [Эразм Роттердамский, 1971, с. 145], – пишет Эразм. Бахтин в 3-й главе своего труда упоминает историю Пошеяма, врага дионисийского культа, восставшего против него и растерзанного за это вакханками, как пример наказания врага общей «свободы» [Бахтин, 2010, с. 287]. Пошеям был агеластом¹, враждебно относящимся к смеху. Для народной смеховой культуры это является основанием для возмездия.

В энкомии описывается глупость и порочность не только простых смертных, но и самих богов. Так, Мория говорит о том, что Вакха не случайно именуют в древней комедии «дурацким богом» – он полностью заслуживает такое прозвище. Ритуальное осмеяние богов занимает особое место в теории народной смеховой культуры. Феномен поношения богов с целью их возвышения исследуется А.Я. Гуревичем в книге «Эдда и сага» [Гуревич, 2009]. Ученый соглашается с оппозицией «изображающего» [Гуревич, 2009, с. 64] (т.е. поносимого изображения бога) к «изображаемому» (т.е. к самой почитаемой сущности бога) в гипотезе О. Хефлера. Однако Гуревич отвергает идею о присутствии у древних ощущения пиетета перед трансцендентной сущностью языческих богов в момент их поношения. Этот вопрос кажется особенно интересным в отношении «Похвалы глупости». Stultitia делится, что каждый раз помирает со смеху, наблюдая за пьяными выходками богов после пира, однако вынуждена хранить молчание, чтобы с ней не поступили так же, как с Момом, подвергшим критике творения богов [Эразм Роттердамский, 1971, с. 134]. Мория не ставит своей целью прославление богов, порицая их, а, напротив, освещая недостатки бессмертных, сакрализует глупость.

Амбивалентность глупости и мудрости является главным мотивом сатирического энкомия Эразма Роттердамского. Характеризуя разные грани человеческой неразумности и мудрствования, Мория утверждает всеобщие слабоумие и безрассудство. Stultitia называет мнимых мудрецов «глупомудрами» [Эразм Роттердамский, 1971, с. 125], используя греческое слово morosophous [Erasmus Desiderius, 1979, p. 74]. Она считает «глупомудров» обезьянами, рядящимися в пурпур, и ослами, щеголяющими в

¹ Феномен агеластии, развивающийся параллельно со смеховой культурой, исследуется в статье С.С. Аверинцева «Бахтин и русское отношение к смеху» [Аверинцев, 1993, с. 345]

львиной шкуре. Высмеивая грамматиков, риторов, адвокатов, философов и богословов, она подчеркивает поверхностность, ненужность и бесполезность их «знаний». Так, Глупость дает очень комичный портрет теологов: те рукоплещут сами себе и бывают столь заняты созерцанием собственной персоны, что времени на чтение Евангелия и Посланий апостола Павла у них не остается [Эразм Роттердамский, 1971, с. 178]. При этом часто богословы приходят на публичные диспуты, обмотав голову повязками: иначе их черепа бы треснули от всей помещенной в голове чепухи и силлогизмов [Эразм Роттердамский, 1971, с. 178]. Также у богословов есть исключительное право говорить с ошибками, а еще они предполагают бормотание и заикание признаком высокого ума, неуловимого праздной толпой [Эразм Роттердамский, 1971, с. 179]. Обращаясь к ученым мужам в 7-й главе энкомия, Глупость называет их «...мужи глупейшие!» [Эразм Роттердамский, 1971, с. 125], потому что понимает, что источник знания мудрейших – чепуха.

Глупость порицает слепое восхищение иноземным, а также риторов, кичащихся своим билингвизмом, которых она сравнивает с двуязычными пиявками. Тем самым она раскрывает оппозицию латинского и греческого языков. Тем не менее, осуждая злоупотребление греческими вставками в латинских текстах, Мория подрывает собственную позицию, поскольку сама же щедро цитирует в своей речи греческие пословицы. Таким образом, Stultitia, восхваляя, порицает себя, что соотносится с амбивалентностью хвалы и хулы как центральным приемом народной смеховой культуры: «Площадное слово – двуликий Янус. Площадная хвала, как мы видели, иронична и амбивалентна. Она лежит на границе брани: хвала чревата бранью...» [Бахтин, 2010, с. 180].

Последний призыв Глупости здравствовать, рукоплескать, жить и пить, приобщаясь к таинствам Мории, отсылает к финалу романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, в котором оракул Божественной бутылки произносит единственное слово: «*Тринк*» [Рабле, 2022, с. 812]. Мория приглашает читателей приобщиться глупости, сакрализуя ее и объявляя жизненной необходимостью: в энкомии Stultitia доказала, что Глупостью держатся браки, дружеские отношения, здоровье и все важные сферы жизни.

Оппозиция разума и глупости важна не только в карнавале, но и в теориях гуманистов. Особенно если учесть, что глупость у Эразма – синоним естества, природного начала, взаимодействие которого с благоразумием становится ключевым вопросом для

ранних и зрелых гуманистов. Эразм использует эту оппозицию, чтобы поставить вопрос о том, что важнее в человеке – чувства или разум. Сама фигура Глупости амбивалентна. Она восходит к карнавальному образу дурака (в данном случае – дуры) – недаром Альбрехт Дюрер в иллюстрациях к «Похвале» рисует ее в карнавальном шутовском колпаке. Вместе с тем Глупость необыкновенно образованна и умна. Мудрец же, напротив, умен не всегда, так как ориентируется лишь на разум, который в действительности неотделим от чувства. Двойственность разума и безрассудства делает сатиру на общественную глупость еще более едкой, в последних главах она оборачивается остросоциальной критикой.

Двусмысленность речей Глупости тем не менее понижает их пафос: критика, вложенная в уста героини, символизирующей отсутствие ума, может быть оценена читателями как наивная болтовня. Разговор о серьезных проблемах в игровом и шутовском ключе может уберечь от цензурных взысканий и преследований церковью.

Таким образом, амбивалентность выступает ключевым приемом в сатирическом эссе «Похвала глупости» Эразма Роттердамского: она выражается в двойственности старости и молодости, жизни и смерти, похвалы и порицания, возвышенного и сниженного, мудрого и глупого. Взаимодействуя, все перечисленные оппозиции приводят к созданию «карнавального мира наизнанку»: мира, где Глупость превосходит мудрецов, а шутка оборачивается горькой иронией. Через образы и приемы народной смеховой культуры Эразм устанавливает связь между архаическими циклами («поглощение – рождение», «смерть – воскрешение», «беременная смерть») и Глупостью как «вечным двигателем» общества на более позднем этапе его развития. В результате образ человека и общества предстает амбивалентным, но целостным: мудрость и глупость оказываются взаимно обусловленными и необходимыми для гармонии.

Список литературы

Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе : сб. в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. – Москва : РГГУ, 1993. – С. 341–345.

Андреев М.Л. История мировой культуры: наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение. – Москва : РГГУ, 1998. – 425 с.

Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. – Москва : Языки славянских культур, 1996–2025. – Т. 4 (2): Творчество Франсуа Рабле и народная культура

Средневековья и Ренессанса (1965). Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) (1940, 1970). Комментарии и приложение. – 2010. – 752 с.

Гуревич А.Я. О природе комического в «Старшей Эдде» // Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. – Москва : Традиция, 2009. – С. 62–76.

Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – Москва : Мысль, 1982. – 623 с.

Парфенов А.Т. Кристофер Марло // Марло К. Сочинения / пер. с англ. Е. Бируковой и др.; вступ. статья и коммент. А. Парфенова. – Москва : Гослитиздат, 1961. – С. 3–40.

Пахсарьян Н.Т. «Гаргантюа» Рабле, или Горизонты гуманистической эрудиции // Литературоведческий журнал. – 2015. – № 36. – С. 180–187.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль [роман-пенталогия] / пер. с франц. Н. Любимова, Ю. Корнеева. – Москва : Издательство АСТ, 2022. – 832 с.

Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – Москва : Наука, 1988. – С. 7–60.

Шестаков В.П. Мой Шекспир : гуманистические темы в творчестве Шекспира. – Москва : Славян. диалог, 1998. – 111 с.

Эразм Роттердамский. Похвала глупости // Библиотека всемирной литературы. – Москва : Художественная литература, 1971. – Т. 33: Себастиан Брант, Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен. – С. 119–207.

Erasmus Desiderius. Moriae Encomium id est Stultiae Laus, Erasmi Roterdami declamatio // Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata. – Saint Louis : North-Holland publishing company Amsterdam-Oxford, 1979. – Vol. 3. – P. 67–197.

Janin H.J. The university in medieval life, 1179–1499. – Jefferson City : McFarland, 2008. – 218 p.

Marsh D. Lucian and the Latins: humour and humanism in the early Renaissance. – Michigan : Univ. of Michigan press, 1998. – P. 167–176.

Robinson Ch. Lucian and his influence in Europe. – London : Duckworth, 1979. – 248 p.